

Перед сном Линь Чаогэ размышляла: чтобы сохранить жизнь, нужно держаться подальше от «черного лотоса». Раз уж он не съезжает, придется съехать ей. Всякие планы по покорению подождут, собственная шкура важнее.

Наступила ночь. Звездное небо раскинулось над землей, а в густой листве деревьев и низких кустарниках то тут, то там мерцали огоньки светлячков.

Линь Чаогэ ворочалась в постели, словно блин на сковороде. Услышав, что в соседней комнате наконец воцарилась тишина, она приоткрыла полог, высунула голову и огляделась. Внутри было тихо, лишь серебристый лунный свет пробивался сквозь приоткрытое окно.

В фарфоровой вазе стояли жасминовые цветы, распространяя тонкий аромат. Окутанная легким одеялом, Линь Чаогэ выскользнула через окно.

На улице было прохладно. Ночной ветерок обдувал босые ноги, заставляя ее дрожать. Глядя на погрузившуюся в сон академию, она не знала, куда податься.

В восточном и западном крыльях у нее было мало знакомых, да и ее женское естество создавало лишние неудобства. Поразмыслив, она стиснула зубы, топнула ногой и с фонарем в руках направилась в западное крыло.

— Молодой господин, как вы и предполагали, господин Линь направился в западное крыло, — доложил Юаньбао, не понимая, зачем ему вообще понадобилось следить за Линь Чаогэ.

— Угу, — отозвался тот, издав короткий звук, похожий на холодный смешок. Все было ясно.

До западного крыла было всего ничего, но апрельская ночь оказалась довольно кусачей.

Линь Чаогэ осторожно приподняла деревянную палку, подпиравшую окно, и заглянула внутрь. На кровати с темно-синим пологом, несомненно, спал Ван Сифэн.

Не раздумывая, Линь Чаогэ сбросила обувь и отбросила одеяло. Она сама озябла до состояния ледышки, но, едва решив залезть под чужое одеяло, чтобы занять место, как тут же разбудила спящего Ван Сифэна.

— Линь Чаогэ! Ты среди ночи влез ко мне в постель, что ты творишь! — Ван Сифэн распахнул глаза. Спросонья он увидел перед собой наглеца, который посмел залезть к нему в кровать. От возмущения и испуга сон как рукой сняло.

— Как видишь, одолжил кровать поспать, — Линь Чаогэ ничуть не смутилась. Она бесстыдно придвинулась ближе, а ее узкие глаза-персики игриво блеснули, придав лицу почти женское кокетство.

За то время, что она здесь жила, Линь Чаогэ перестала походить на ходячий скелет — щеки округлились, кожа порозовела, и она стала выглядеть весьма миловидно. В лунном свете она казалась существом, способным свести с ума.

— Ты... ты... бесстыдник! — от этих слов лицо Ван Сифэна вспыхнуло, розовый румянец окрасил даже уши. Сжимаясь в комок под одеялом и пятясь к изголовью, он выглядел точь-в-точь как испуганная девица.

— Ты что, спишь голышом? — Линь Чаогэ в шутку потянулась, чтобы откинуть одеяло.

— Не твое дело, мерзкий, грязный отрезанный рукав! — как будто подтверждая ее догадки, край парчового одеяла соскользнул, обнажив ослепительно белую кожу Ван Сифэна.

Черт возьми! Неужели она накаркала?

Мозг Линь Чаогэ на мгновение отключился. Ее рука непроизвольно коснулась обнаженной кожи, и она, не веря себе, ущипнула его, чтобы удостовериться: между ее холодной ладонью и его упругим телом действительно нет никакой преграды.

— Мерзавец! Ты и правда голый! — Линь Чаогэ вскрикнула от изумления, откинув край одеяла и нащупав под ним гладкую кожу.

Сон в обнимку, близость... Да что здесь происходит?!

Ее рассудок рухнул. За что ей всё это? Мало того, что пришлось просить ночлега, так еще и выяснилось, что хозяин кровати любит спать нагишом.

— Линь Чаогэ!!! — Ван Сифэн, скрежеща зубами, сгорал от стыда и ярости, не зная, куда деть руки.

— Кузен, что случилось? — услышав шум, отозвался Чу Чэнь, который уже лег спать.

— У-у-у... Линь... — Линь Чаогэ быстро зажала рот Ван Сифэну, который уже готов был разразиться проклятиями.

— Если сейчас подашь голос, то слухи о нас станут правдой, — прошептала она, склонившись к его уху и игнорируя гневный взгляд.

— Кузен, ничего особенного, просто на кровать заполз таракан, — бросив на Линь Чаогэ убийственный взгляд, Ван Сифэн кивнул, показывая, что понял. Серьезность ситуации он осознавал, а месть — блюдо, которое подают холодным.

— Ку... кузен... — Чу Чэнь, не на шутку встревожившись, в одних тапочках и с растрепанными волосами отдернул полог. Он широко открыл глаза, сделал несколько шагов назад и снова протер их, не в силах вымолвить ни слова.

Линь Чаогэ была готова придушить эту лишнюю руку, которая все портила.

В лунном свете на кровати отчетливо виднелись двое: один в беспорядке, другой — абсолютно нагой и раскрасневшийся. Это были его кузен и его любовник Линь Чаогэ.

Надо же, кто бы мог подумать, что кузен предпочитает такое. Занятно. Он только что узнал страшную тайну, теперь кузен наверняка захочет его убить.

— Ха! Кузен, продолжайте, я просто луначу! Да, точно, я луначу! — выпалил Чу Чэнь и умчался так быстро, словно за ним гнались черти.

Ну вот, теперь им точно не отмыться.

— Линь Чаогэ!!! — раздался ледяной, яростный рык.

— Я здесь... — Линь Чаогэ с трудом сглотнула. Буря приближалась.

— Ты покойник!

С грохотом ее отшвырнули к стене. Ван Сифэн перехватил ее руки и, перевернувшись, прижал к кровати. Позиции резко сменились.

Нагой юноша навис над другим, одетым лишь в нижнюю рубаху. Рассыпанные по кровати черные волосы, пылающие щеки, приоткрытые губы — картина выглядела донельзя двусмысленно.

Линь Чаогэ, ушибив спину, поморщилась, но у горла внезапно блеснуло лезвие кинжала, украшенного рубинами. Ван Сифэн держал его твердо, и от малейшего движения на шее Линь Чаогэ выступила капля крови. Ей пришлось замереть.

Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет!

Взгляд Ван Сифэна скользнул с ее лица ниже. Острый клинок легко вспорол белую ткань, обнажив длинную руку.

Пользуясь моментом, пока он замешкался, Линь Чаогэ не стала тратить время на раздумья. Она кубарем скатилась с кровати — главное спастись!

Но тонкая, сильная рука ухватила ее за предплечье и рывком потянула назад. Линь Чаогэ отчаянно сопротивлялась, но Ван Сифэн, подавляя ее своей силой, не отпускал. Они боролись, срывая полог, пока она не вырвалась, но он снова ее настиг. Разница в физической силе была очевидна.

Мать честная! Да я же ослепну от такого зрелища!

Ван Сифэн, заметив это, в смущении схватил подушку и прикрылся ею.

— Чего уставилась, отрезанный рукав! — мстя за то, что его самого только что облапали, он в ответ ущипнул Линь Чаогэ.

Надо сказать, он и не подозревал, что кожа мужчины может быть такой нежной, а от самого тела исходит тонкий аромат.

Линь Чаогэ, напрочь лишенная стыда, игнорировала его почерневшее от ярости лицо и продолжала извиваться, пытаясь увернуться от его рук. Это было чистое самоубийство.

— А? Вот как? Раз так, господин Линь, давай будем честны друг с другом.

На небольшой кровати завязалась потасовка. Кровать жалобно скрипела, и шум был настолько громким, что соседи, накинув халаты, поспешили на звук.

— Ой! Да ты щипаешься, гаденыш! Ты покойник!

— Я тебя не только щипать буду, я тебе все зубы выбью!

Раздался грохот падающих предметов, сопровождаемый звуками борьбы, которые будили самое разное воображение.

— Кузен, что происходит? Вы в порядке? Вода бессмертных внизу, в сундуке!

— Пошел вон! — гаркнули они хором, напугав Чу Чэня, который уже было собрался войти. На следующее утро они оба вышли из комнаты с синяками под глазами.

Чу Чэнь, который всю ночь дрожал от холода в одной рубашке, радуясь, что не ввязался в это дело, лишь недоуменно пожимал плечами на расспросы остальных. Он прикинулся глухонемым.

Только вот, похоже, их драка была слишком уж жаркой. Интересно, хватит ли той дорогой Воды бессмертных?

На следующее утро Линь Чаогэ прихрамывала, а ее лицо переливалось всеми цветами радуги. Ван Сифэн, ушибший поясницу, то и дело охал и потирал спину, пока его слуга Лю Ян с тревогой подавал ему чай.

Чу Чэнь, который всю ночь писал завещание, боясь, что его убьют как свидетеля, сидел в первом ряду, глядя в одну точку. От воспоминаний его пробирала дрожь.

— Господин Линь... вы еще молоды, излишества губительны, — внезапно с утра пораньше бросил Бай Цинсин.

Любопытные тут же все поняли и поспешно разошлись.

Линь Чаогэ: «???»

<http://bllate.org/book/22224/2319213>